

Красота спасет мир

Е.Е. Прокопенко

«Закон звезды и формула цветка»

О фотохудожнике Владимире Лагранже

Когда уже, казалось бы, все прочтено в мире, тогда из недр земли открываются целые новые, еще не прочитанные алфавиты... жизнь, во всей ее перегруженной, отягченной современности, опять вырастает к упрощенному иероглифу, если воображение живо.

Н.К. Рерих

Мы все когда-то были детьми и самозабвенно бегали переулками детства — по деревенской околице или расчисленным квадратам дачного подмосковного поселка, кому как повезло, — разглядывая мир, в который пришли. Мир деревьев, травы, цветов — уходящий под землю и восходящий к небу. Вглядывались в шарики дождевой воды — капельки ртути в глубине ворсистого листа, так похожего на пальмовую крону. Радовались цветку с китайским названием «люпин», заглядывали в крохотную чашечку «львиного зева» и внутрь «разбитого сердца». Нечто тайное угадывалось в роскошной влажной глубине пионов, хотелось если уж не разгадать великолепный их секрет, то хотя бы по-

дышать с ними рядом, а еще замечательнее — умалиться насколько возможно и очутиться внутри этого алого, белого, розового свечения, слиться с ним... В мерцающем таинстве кустов, в изобилии гибких тонких стволов, ветвей и веточек, униженных листьями в великолепном, устремленном к свету гармоническом беспорядке, возникало странное, ликующее ощущение тайной свободы, полной отрешенности от происходящего вокруг. Эта зеленая жизнь, казалось, существует сама по себе, без нас, в ней грезилось нечто неземное, не связанное с присутствием человечества, но связанное со всей Вселенной. Дети не умеют назвать словами, но умеют чувствовать то, о чем, став взрослыми, навсегда забывают.

Однажды девочка, которая уже давно выросла, пришла на фотовыставку — и у нее перехватило дыхание. Мир — распахнутый, сияющий, вопрошающий, пролетающий или замерший на фотографиях, был материализованным воплощением ностальгической детской мечты об абсолютно естественном слиянии души и тела с душой и телом цветочного бутона...

Художественный дар унаследован Владимиром Лагранжем по прямой линии. Это тот случай, когда природа не оставляет усилий к совершенству применительно к детям талантливых родителей. В каждом поколении она оттачивает, видоизменяет и приводит в соответствие со временем однажды выданное ею, как наследное дворянство, творческое восприятие мира, особый взгляд, переводящий привычное в категорию прекрасного. Лагранж — фамилия французская, но человек, носящий ее, русский, — по умению хранить память предков, следовать их пути, не забывая старых корней и не отказываясь от новых. Потомки французов с их интеллектуальным изяществом и итальянцев с их страстностью Возрождения остались после войны 1812 года в России и вобрали в себя пространство русского духа и то неопределимое, что мы, разводя руками, привычно обозначаем тютчевской формулой «умом Россию не понять...». Семья его бабушки воспроизвела на своем генеалогическом древе череду поколений, каждое из которых рождало истинно талантливых художников. Два прадеда — академики живописи, маринист Р.Г. Судковский и баталист Н.С. Самокиш. Самокиш был профессором Императорского общества поощрения художеств; в статье «Цветы художества» Н.К. Рерих упомина-

ет его имя в ряду «выдающихся деятелей искусства», которые были «доброжелательно призываемы потрудиться» на поприще культуры¹. Прабабушка, Е.П. Самокиш-Судковская, вошла в Первый дамский художественный кружок, иллюстрировала «Евгения Онегина». Одна из ее работ, воспроизведенных в журнале «Нива», — торжества по случаю коронации последнего российского императора. Бабушка, М.Р. Лагранж-Судковская, женщина удивительной красоты, тоже была художницей (и к тому же первой из женщин Петербурга села за руль автомобиля). XX век внес свои коррективы: отец закончил операторский факультет ВГИКа, мама — фоторедактор. Чего ж вам боле? Душа и мысль — художника; взгляд — фотографа, а все вместе — фотохудожник Владимир Лагранж.

Жизнь сложилась. Дебютировал в печати в 17 лет (серия почтовых открыток — крымские пейзажи). Фотохроника ТАСС, факультет журналистики МГУ. Четверть века отдано советской прессе, журналу «Советский Союз». Сотрудничал с французским агентством в России «СИПА-пресс». Фотоочерки, фоторепортажи, фотопортреты. Люди, люди, люди, правда и неправда, дежурные улыбки партийных бонз и герои жатвы на фоне колосющейся нивы. Подворотни, проститутки, бомжи на фоне ржавых мусорных баков. Терпение, опыт и надежда, что когда-нибудь...

В 1995 году Владимир и Нина Лагранжи уехали на полгода в деревню под Юрьев-Польской, оставив за кадром все вышеперечисленное.

«Мой младший сын, когда учился во ВГИКе, чтобы снять интересный сюжет, всегда стремился уехать подальше от дома, — говорит Лагранж. — Я хотел доказать себе и сыну, что прекрасное рядом». Все началось с огнецветных осенних листьев в бочке с дождевой водой. А продолжилось тем, что мы увидели на персональных выставках «Мотивы» (1999) и «Взгляд шмеля» (2002) — узнаванием, знакомством со всем сущим в природе с расстояния десяти — пятнадцати сантиметров.

Работы Лагранжа приближают к нам природу в буквальном и переносном смысле. Сойдя со ступенек крыльца, он фотографирует то, что видит, стараясь ничего не трогать, не видоизменять, ни в одной композиции не исказить природного естества. Терпеливо выжидает необходимое время суток, искомую степень измороси на траве или превращение капли в сверкающую линзу. У каждой из работ своя философия: философия темной воды в сердцевине алого мака,

философия хрупкого креста сухой травинки под пластиной льда... Человек выбирает ощущение видимого на картине сам: один, глядя на травинку, скажет, что жизнь заморожена, а другой — что она протаивает сквозь лед.

*Люблю обычные слова,
Как неизведанные страны.
Они понятны лишь сперва,
Потом значенья их туманны.
Их протирают как стекло,
И в этом наше ремесло, —*

так объяснил замечательный поэт Давид Самойлов одну из главных тайн творчества. Совсем просто: поэт подышал на стеклышко, протер его, — и оно стало волшебным, открыло новые глубинные смыслы и неизведанные сверкающие грани бытия... Одаренный поэтическим зрением, Лагранж возвращает слову «фотография» его первоначальный смысл — «светопись». Вы знаете, сколько солнечного трепета скрыто в глубине желтого цветка тыквы? Видели, как прозрачная плоть улитки сияет в фиолетовом бутоне? Представляете, как могут быть сокровенны плавные изгибы лепестка, увеличенные в десятки раз? Уверяю, не подойди вы ближе, вам бы и в голову не пришло, что поднесенный к сизо-сияющему сухому срубу венчик оранжевого пламени — всего лишь полуувядший деревенский подсолнушек.

Знание законов оптики, цвета и света, третий глаз художника, — Бог ведь чем еще должен обладать тот, кто видит мир глазами инопланетянина. Трепет, вздох, стук, шелест, биение природного пульса — мир, мимо которого мы прошли. Абсолютно знакомый и абсолютно неведомый. Абсолютно плотный или абсолютно прозрачный, — как эта хрустальная сфера, шар или глобус, именной приз «Золотой глаз России», который вручил Владимиру Лагранжу весной 2003 года мэр Москвы в Хаммеровском центре от Союза российских журналистов и Гильдии профессиональных фотографов.

Коллеги Лагранжа, признанные мастера, удивляются, почему он не делает не единой попытки упростить себе жизнь с помощью новинок фототехнического прогресса. Отнюдь не консерватор и не ретроград, Лагранж упрямо полагает, что фотография природы не должна претерпевать компьютерного вмешательства. В цифровой фотосъемке, наверное, есть своя прелесть, но естество живого — превыше все-

¹ Рерих Н.К. Листы дневника. В 3 т. Т. 1. М., 1999. С. 58.

го. И фотопечать у него традиционная, живая.

С какого-то времени его особенно привлекают одноцветные композиции: красное на красном, белое на белом, зеленое на зеленом. Из оттенков и полутонов рождается мир силуэтов, профилей пейзажей. Тот, кто сказал о «Вселенной в чашечке цветка», сказал правду. Удивительно, как с помощью простого, без сверхмудреных приставок, фотоаппарата он овладел секретом проникновения внутрь пространства, бережно охраняемого лепестками, где среди светящегося золотого и алого склонила чело в вечной печали нерукотворная Пиета...

Горизонтальные тычинки тюльпана подобны стрелам, летящим в цель. Разлинованный вдоль ствола пестик экзотического цветка — ликующий туннель, по которому несутся зеленые потоки жизни.

Лагранж никогда не фотографирует «сходу»: увидел — понравилось — щелкнул затвором фотоаппарата. «Я кружу над цветком, как шмель», — любит он повторять. Он следует особой «шмелиной» этике и эстетике: съемке предшествует необходимый обряд ухаживания, нежно-доверительный, чтобы природа, цветок открыли художнику свое сокровенное, заветное, потаенно-невинное... Чтобы *так* фотографировать, отыскать *такой* ракурс, как это умеет Лагранж, надо войти с «предметом» в личные отношения, сделать его объектом любовного исследования и наблюдения, — так иногда исподволь, из-под, казалось бы, опущенных ресниц мы наблюдаем за сердечно близким человеком. Так и Лагранж наблюдает за природой. И она отвечает ему полной взаимностью.

Воланы желтых (оборки юбки) или белых, слегка подкрашенных по краям малиновым сиропом, — будто юная танцовщица фламенко по детской привычке потянулась за маминим вареньем и испачкала нарядное платье, — лепестков все вдохновеннее и причудливее извиваются в танце, и

потоки света струятся уже не извне, а изнутри цветков и соцветий. Звучит мелодия любви, длится прекрасный Карнавал жизни, меняются маски, продолжается вечный лирический диалог художника и природы... Поблескивающие стенки заполненной в самом лоне густой иссиня-черной тьмой маковой чаши выше к краю обретают тон, о котором Александр Грин когда-то сказал: «Это цвет вина, уст, роз, зари...» Черное нутро и одеяние тяжелого шелка были бы, наверное, ощутимы как что-то inferнальное, если бы не улеглись на лепестках кабошоны прозрачных водяных капель, освежающих и остужающих знойный жар...

Природа сама подбрасывает Лагранжу символические сюжеты и поэтические притчи. Мы их не видим, а он видит. Беспорядок и гармония, соотношения цвета, света, формы, объемов и масштабов утонченно сбалансированы: «ты мной доволен ли, взыскательный художник?» Природа обо всем позаботилась, осталось только включить воображение. Строго параллельные стебли-стволы хвоща (парк юрского периода, не достигающий наших колен) соотносимы с коричнево-желтыми вертикалями соснового бора. Их разделяют миллионы лет, а художник нашел их почти рядом и примирил, сблизил пространство и время.

Что можно увидеть, распиливая и обтесывая бревно, раскалывая полено, заготавливая дрова на зиму?

Внутри ствола — древесная звезда. Иссеченная трещинами, она подобна взрыву, а годовые кольца — немые волны, разносящие сияющие обломки в темноту Вселенной. Случайно ткнувший по стволу топор способен вызвать к полету птичий абрис. Не Финист ли Ясный Сокол подлетает к заветному окну? А треугольнички поленьев в поленнице — понаблюдайте за ними подольше, и вы увидите, что они не лежат спокойно, а переговариваются, мельтешат, как множество серых с подпалом мышек.

Под корой хранятся древние пергаменты: чьи-то лики, страдающие, зовущие, проступают сквозь бугристые наросты на теле старого бревна, напоминая о застывших в последнем движении под пеплом телах жителей Помпеи. В дупле прячутся от холода последние озябшие листья, а старичок-сучок, обломок давным-давно отжившей свое ветви, заботливо опекает синий, как апрельское небо, хрупкий весенний лютик.

Плесень на старой коре превратилась в воспоминание о заиндевелой кроне; цветовая гамма мхов и лишайников — причудливые отсветы красного, зеленого, желтого в сочетании с фактурой коры — вдохновенная импровизация на тему старой древесной жизни.

А эти романтические отношения стеблей и травинок, поддерживающих, оберегающих и утешающих друг друга, — поучиться бы людям у растений...

Пластинка льда для Владимира Лагранжа — дополнительная призма и одновременно способ сохранить живое, как янтарь сохраняет для нас чешуйки, крылышки, усики древних насекомых. Жизнь в ягодах шиповника, калины, черемухи задремала, но не умерла в чистоте прихваченной морозом воды — вода и пламень объединились в каком-то физически необъяснимом агрегатном состоянии. Только Природа способна приостановить дыхание жизни в подвластном ей мире Флоры, чтобы восстановить его в назначенный час в пышном торжестве пробудившегося бытия.

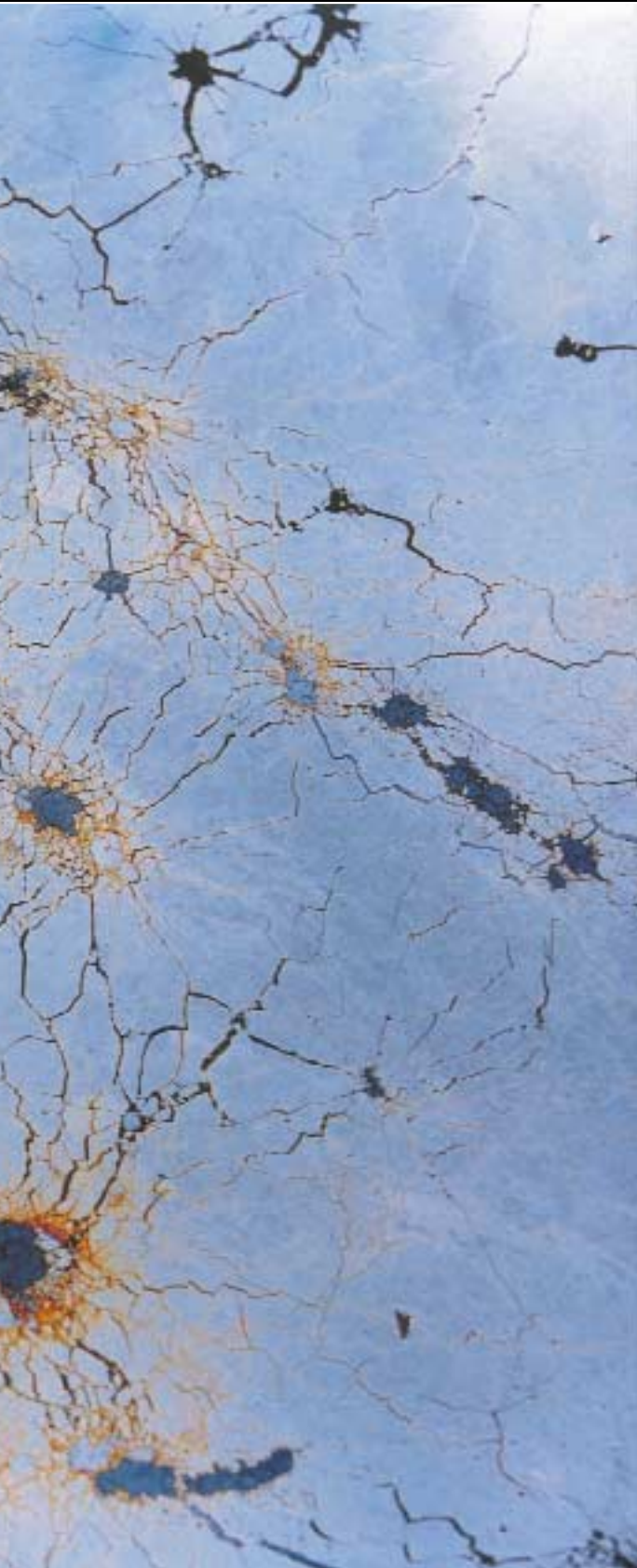
Лагранж созерцает природную гармонию — подернутые иголочками инея поздние листья земляники; зонтики одуванчика, рассевишиеся, как пуховые белые птички, на тончайших проводах паутины. Он не придумывает сюжеты, не ставит природные мизансцены — придуманное всегда чуть-чуть сфальшивит, выдаст себя неверным тоном или неточной линией. Белую сказку цветов и волшебную птицу Сирин нарисовать доподлинно на стекле способен только иней. Гамма эмоциональных оттенков, интуитивно воспринимаемых зрителем, — подсказка самой природы. За кадром постоянно присутствует Некто, подталкивающий к медитативному созерцанию, напоминающий забытые слова любви и восторга или немо взывающий к состраданию — как это одинокое белое перышко в пенном водовороте темной воды, как эти сухие коробочки, скорбные остовы с трудом опознаваемых под снегом травинки и цветы.

Самые обиходные, обыденные вещи, доверяя Лагранжу, волшебным оживают, преобразуются, вызывают восхищение, удивление, ощущение чуда. Несколько снимков. На одном — отливающий металлом полный радужный спектр, на другом — треки разбегающихся огненных частиц, на третьем — отсвечивающие вороненой сталью узкие частые полосы — грива плотных конских волос, шелест ковыля, невесть откуда курающийся степ-

ной дымок... Чудится смутно знакомое в узорчатых прорезях, за которыми мерцают уголья, но снова сбивает с толку что-то неопределимое, неземное. После мучительных и тщетных попыток угадать вам покажут фотографию до смешного знакомой домашней утвари. Ни за что не догадаетесь: обыкновенный деревенский самовар.

Владимир Лагранж не подписывает свои работы, давая простор воображению тех, кто не только способен оценить декоративное совершенство цвета и формы, но умеет войти в единое энергетическое пространство с увиденным, одушевить неодушевленное, почувствовать движение и бег жизни по каналам-капиллярам листьев, стволов, лепестков. Он не хочет лишить нас счастья уловить момент падения капли, проследить повторяющийся сегмент узора, бегущего по краю льдинки, подсмотреть, как трава, растущая из воды вдоль берега, любит свое отражение. Кстати, об отражениях. Это один из его любимых методов исследования всего, что растет и обитает между небом и землей. Листья, которые плывут по воде, притягивают внимание поначалу осенней расцветкой, но отраженные в реке ветви сплетают свое королевство, где осень еще не вступила в свои права, она еще там, у Полярного круга, ветви еще не растеряли листья, а сбросили лишь первый десант... Недаром в истории мистического зеркала было и остается той плоскостью, которая, фиксируя антипод, наделяет оригинал ирреальными качествами и свойствами. Рябь воды совмещает несовместимое — и то, что находится над водой, и то, что просвечивает сквозь ее зыбкую гладь. Здесь сходятся плоскость и пространство, травинка выныривает, отражается и вновь уходит в глубину, где чем-то дремотно-мохнатым опутаны ее не столь любопытные подруги.

Кто он, Лагранж? Откуда пришел, где всему этому научился? Иногда говорят о древних китайских и японских философиях, основанных на созерцании, которые питают его творчество. Согласиться ли с этим? Изысканность резного листа, расписанного золотым и алым с парой мазков зеленого на фоне черной воды, — чем не восточная лаковая мини-

атюра? Причисляют его к импрессионистам, авангардистам, примитивистам. Определима ли эстетическая платформа и национальная принадлежность Природы, которая «позирует» художнику? Возможно ли обозначить манеру исполнения сущего каким-либо жанром или художественным направлением? Слава Богу, Природа об этом не задумывается и не зависит от наших суждений, как не зависит от них фотохудожник Владимир Лагранж.

Есть еще одно — самое важное! — что остается после знакомства с его светописью. Если раньше взгляд беспечно или равнодушно скользил по жизни Природы, теперь ему указан путь в глубь ее. Давайте вслед за художником приблизим лицо к чашечке цветка — ближе, еще ближе, — покружим над ним, подобно шмелю или стрекозе, как кому больше нравится, попробуем услышать музыку цвета, прочитать иерог-

лифы тонов и светотеней. Каждому под силу вызвать Природу на откровенность, если относиться к ней с любовью и почтительным вниманием. Она отзовется любому, кто, как Владимир Лагранж, будет любознателен, деликатен и бережен, кто убежден, что Божественная гармония и красота естества — единственное средство, способное спасти душу от разрушения.

Работы Лагранжа утешают и утишают. Они напоминают, что есть нечто главное, общее для всех нас и всех нас вмещающее, внутри чего мы существуем и что существует внутри нас. Это Универсум, «мир как целое», единое и неделимое, который, как определила светловолосый поэт Марина с цветочной фамилией Цветаева, действует по «закону звезды и формуле цветка» и уравнивает макрокосм и микрокосм в составе единой Вселенной.